

Наталья Малинина

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД (подборка стихотворений)

В е р б н о е

Скучает пристань;
Толгский монастырь
полощет купола свои в купели
апрельской Волги. Мы давно хотели,
покуда дачи с пляжами пусты,
подкрасться к деревянному причалу,
не привлекая оголтелых чаек,
не расплескав непрочной красоты.
...Как будто с вербы жёлтая пыльца,
твой смех осядет на пейзаж прибрежный.
Я снова умолчала слово «нежность» –
попробуй поцеловать его с лица.
Пусть это будет временная суть
того, о чём теперь не скажешь всуе.
Осыплются пыльцою поцелуи
и вербой прорастут когда-нибудь.
Как плещется, как бьёт крылом закат
огромной водоплавающей птицей!
Наверно, мне не раз ещё приснится
и берег, и волна, и долгий взгляд,
твоё повечеревшее лицо,
и это состояние прибоя...
Да, «всё пройдёт»,
но не для нас с тобою
пока что эта мудрость мудрецов.
...Взовьётся в небо колокольный звон
в неслыханной ещё аранжировке:
в нём – верба, вечность, поцелуй неловкий
и наших сочетание имён.
В нём - суть и муть неверных вешних вод,
в нём то ещё, за что господь-прости-нам!
...И лишь одной поэзии по силам
осуществить синхронный перевод.

Погладь меня по голове

Погладь меня по голове,
Ты видишь, отцветает донник,

мои глаза, мои ладони
и мой недолгий бабий век.
Как пышен и высок кипрей
Здесь, за кладбищенскою аркой...
Такого малого подарка
Ты для меня не пожалей.
Погладь меня по голове,
Мне от тебя немного надо.
Когда тоска страшнее ада -
Внезапно смертен человек.
Пока ты жив, и я жива,
И вместе мы во что-то верим,
Пока не стала я потерей,
Припомни нужные слова.
Быть может, скоро в облаках
Моё дыханье растворится;
Я стану и дождём, и птицей -
Тебе не удержать в руках.
Я ветром поселюсь в траве,
Моей траве обетованной.
...Мне больно, холодно и странно.
Погладь
меня
по голове.

Всё дело в сирени

А кроме сирени, и нет ничего.
Ни слёз, ни смертей - только это мгновенье.
И я обживаю, смакую его:
Ведь время - ничто во вселенной сирени.
И нет ничего! Лишь ликующий куст
У древней стены, где узорчаты тени.
И я умереть навсегда не боюсь:
Всё дело в сирени. В цветущей сирени.
Пыльцой, что прилипла на лапки шмеля,
Свершится опять торжество опыления,
Цветенье и завязь - не нам отменять:
Всё дело в сирени, в шмелях и сирени.
Случится когда-нибудь май без меня,
И я перейду в мир иных измерений,
Но сути своей не хочу изменять:
Люблю вас, любимые. Дело в сирени.

И ты

— Мама, бабушка умерла навсегда?
Навсегда-навсегда?
Даже если громко заплакать?
Даже если на улицу – в холода –
без пальто, босиком,
ну... совсем... без тапок?
Даже если дядьБорин вреднющий Пират
вдруг сорвётся с цепи и меня укусит –
всё равно она не придёт надо мной обмирать?
Пожалеть, полюбить, пошептать:
— Не куксись...
всё до свадьбы, увидишь, сто раз заживёт,
вот поверь мне – нисколько не будет больно.
Слушай сказку, золотко ты моё,
про жука с Дюймовочкой.
— И про троллей!
— Скоро папа должен прийти,
разберётся, ужо, с дядьБорей.
Ишь, наделал Пират историй:
покусал ребёнка, помял цветы!

~~~~~

— Мам, а ты не умрёшь — навсегда?
Я без тебя спать не буду, играть и кушать...
— Никогда не умру... Не верь никому, не слушай.
— Мам, и я не умру?
— И ты.

Cancer

I

Держала за руку: «Не пущу!»;
делилась жизнью: «Бери, мне хватит!»
Из морозилки живца на щук
несла к молчащей его кровати
(мол, долго можно ещё ловить
огромных рыб; доживи до лета!);
и что-то нежное – о любви.
В тоске с надеждой ждала рассвета.
А он, в котором смещалась мысль,
как буруны за рыбацкой лодкой,

не мог поймать этих действий смысл
в тумане боли, как саван, плотном.
...Ползла нечаянная слеза,
метались в горле немые чувства:
зачем так долго его терзать
мальком в смертельном оскале щучьем?..

II

Лодка рыбацкая, синий велосипед и мотоцикл советский –
этот наземный транспорт – весь – остаётся здесь.
Он без нужды тебе там, где не спросят ни техосмотр, ни паспорт.
Сколь ни упрямыся: «Не надо! Не верю! Нет!»;
сколь ни обманывай: «Сон, мол, да бред всего лишь»,
– камень на сердце, а сердце на дне, на дне.
А ты – налегке, совсем налегке – уходишь.
Ты мне расскажешь, каких ты увидишь рыб,
воды какие тебя на волнах качают?
...Освободиться б из лабиринта глыб,
что заслонили небо, полное белых чаек!
Освободиться б, воли твоей вдохнуть;
дальше от боли, грязи, страданий дальше!
Стылый февраль метёт, замедляет путь;
мне не попасть туда, где ты снова – мальчик.
Мне не попасть туда, где ты снова – свет;
воздух и Юрьевец;
Плѣс или даже... Китеж.
Мама и небо.
Где страшное слово «смерть»,
словно заляпанный свитер,
с себя торопливо скинешь.

III

Ещё полгода до февраля.
Полгода нам друг у друга быть, и
ещё полгода – твой дом – земля;
ещё полгода нам до отплытья.
Тебе – туда, где не будет зла,
болезни, боли, меня – не будет.
А мне из этого февраля
уже не всплыть на поверхность будней.
Мне – рыбой в бредне, где света нет,
где бьётся в жабрах мой крик молчащий.

Рубашка, лодка, велосипед (зачем всё это?);
"А был ли мальчик?" - в виски колотит. А был ли?
– Был! Ни боль, ни боль – не переименовать!
...Что жизнь любил, и что был любим,
должно хоть что-то для Бога значить?!
И снова брежу всем естеством:
мы едем в Юрьевец и – хохочем!
Мне говорят: "Отпусти его!"
А если он – отпускать не хочет?

~~~~~
Cancer (лат.) - мед. диагноз "рак".

Монолог с мамой

1

Ты на ничейной полосе, которая зовётся «кома».
Лица нет на твоём лице, таком знакомо-незнакомом.
Лица нет. Цвет ушёл из глаз – зелёных с желтизной кошачьей,
А ширь зрачка, как будто лаз, сюда – из глубины незрячей.
Растерянная темнота двух омутов, куда глядятся
И смерть, и жизнь. И – немота. И – ни расстаться, ни остаться.

2

Как нравится тебе мой новый стих?
Поддай же знак из долгой тяжкой комы!
Твоё молчанье зримо и весомо,
Как шар на ниточке, дрожит в руках моих.
Как нравится тебе моя тоска?
Всё не решишь – остаться иль расстаться?
Не для тебя больничные матрацы!
Устала? Кто, скажи мне, не устал?!
...Тебя зовут и молятся, и плачут,
Но в коме – порознь тело и душа.
Дрожит рука. Дрожит –
а это значит – не рвётся нить.
Но рвётся к небу – шар.

3

– Мне без тебя не умереть... Прости, прости!
Прорвись ко мне в мой ад реанимаций!
Прорвись, чтоб молчаливо попрощаться.
Отпустишь?

– Отпущу.
– Лететь?
– Лети!

4

Сугроб оплавил свеча.
Снег вперемешку с мёрзлой глиной.
Смерть – милосердие палача?
На лентах траурных – «Любимой...».
Внутри околеваешь вой,
Не разрешившийся звучаньем.
Тот шар, наполненный молчаньем –
Он стал моею головой.

Лёткое

Берег высокий прав,
берег низкий – лев.
Ты по каким законам течёшь, река?
Тени и свет, светотенями – облака.
Ноги купаю в облаке...
Здесь, созрев,
сыплется семя сныти в омут – черней чернил;
вряд ли теперь удастся кому врасти
в берег стоячий.
Может, и ты приплыл,
и прорасти не надо,
а всё простить,
сделаться лёгким, лётким –
без якоря и корней;
больше себя не мучить: «Зачем ты жив?»),
если журчит река и резвятся в ней
небо, стихи и девочки, нежное обнажив.

Троянское (актуальное)

Лаокоон*, ты никого не спас!
Ни городу, ни миру – не спаситель.
Бессилен разум. Гордой Трое пасть
предрешиено; круг роковых событий
замкнулся в удушающем венце
колец змеиных.
Ужас на лице,
мольба и стоны старшего ребёнка;

а младшенького – обессилил яд.
Твой обморок. Твой хрип:
«Пусть буду я...»
(как бляение жертвенных ягнят
сквозь морок – и пронзительно, и тонко...)
И снова явь. И яд.
Они – сильней!
В змеиной пасти – чья-то злоба пышет!
...Лаокоон, и кто ж тебя услышал?
Вот мальчики твои: они – не дышат,
но в каждой Трое – ждут своих коней.

Стаффаж

А на холсты опадает время – «опять зима»,
Чувство утраты и целый сугроб тоски.
– Это ведь не картина, Творче, как мне тебя понимать?
– Это эскиз, конечно, это пока эскиз.
– Творче, беда стучится в рамы живых картин!
Что за стаффаж* на белом: сепия... чёрен вой?...
– Это загнали волчицу. Волк остался один.
– Что ему делать, Творче, с этой твоей зимой?
– Это этюд с натуры, плачь ты или не плачь:
Это позирует буро-белым зима утрат...
– Переиначь картину, Творче, переиначь:
Переиначь, и время верни назад!
Перемешай все оттенки цвета – «опять люблю!»:
...Волк с молодой волчицей в море июльских трав;
...Запах совместной ночи от полотняных блуз;
...Губы, от поцелуев треснувшие с утра.

* Стаффаж – фигура зверя или человека в пейзажной живописи.

Унежма

Очень северный сюжет, очень северный;
Банька рубленая, дух можжевеловый;
Баба жаркая – в сугроб снега белого!
Тело нежное – спелей хлеба спелого;
Булка свежая хрустит нежной корочкой;
Свёкор из дому глядит из-за шторочки,
...А в желе её груди – две брусничины:
Будет милый целовать их по-птичьему.
Зёрнышки на языке – вкуса счастья:

Морс брусничный – хорошо настоявшийся!
Милый зёрнышки клевал да поклёвывал,
Вдовый свёкор горевал-пригорёвывал.
Вдовый свёкор – молодой, стать нездешняя
(Не пойду на грех такой – хоть зарежь меня!)
...Ты гуди про нас, Унежма заснеженна,
Где нехожена зима и неезженна,
Где рябина над прудом – гроздь алые,
Где клубами пара в дом – мысли шалые...
Я в Унежме – уж другая – не прежняя:
Так люби меня – губи! И... унежь меня!

Распахнутое время в сад

Здесь, ездовых заждавшись юрких,
припал к стене велосипед;
здесь на щеке моей дочурки
варенья вороватый след;
здесь переложенных соломой
созревших яблок аромат.
В сенях родительского дома –
распахнутое время в сад.
Дрожит в оконце луч упрямый,
и видится в дверной просвет –
мелькает между яблонь мама.
Которой нет.
...Постиран лёгкий сарафанчик,
с бретелек капает на руль,
а под окошком ходит мальчик.
– Усну ль?
Бормочут куры на насесте,
Водворены цыплята в клеть.
Но чьей не спать в доме невесте?
– Ответь...

Аз есмь

Сине-белое небо разинет
пасть в ленивой зевоте над Волгой;
на душе беспокойно;
не трогай
то, что хрупко и сыпко,
как иней;
...Отболю, и паду, и кану
растворясь – не найти, не выжать
слов ли, слёз ли.

И можно выжить
только морем, когда устану
быть рекой, обмелевшей, пресной.
...И, качая прибоем пристань,
катер, небо ли, берег;
в бисер
разбиваясь о мол,
воскресну
на экране твоём, как пиксель –
знак мольбы о любимых: «Аз есмь.
И никто же на вы... Аллилуйя!»
... Подожди,
помолчи,
не трогай;
и расслышишь молитву такую,
что впадает из моря –
в Волгу.

Доверчивый "Титаник"

Густой, тяжёлый, волглый
Падал снег...
В него, как в марево, ныряешь из-под арок;
Себя он вносит в осень,
Как подарок;
Но, не заплакав,
Не разлепишь век.
И мой тысячетный Ярославль
Лишается знакомых очертаний,
И храм не отличить от прочих зданий,
И город превращается в корабль...
И вот уже
Поплыл знакомый дом
В пучину Ленинградского проспекта,
А снег всё нёс и нёс благую лепту
В падении своём глухонемом.
Он обелял надсадный чёрный стыд,
Он мягко бинтовал больную память,
Где наш с тобой
Доверчивый "Титаник"
Навстречу неминуемому
Летит...
Рождённое задолго до меня,
Мне станет не по силам это знание.
И батискафом
Падает сознание

В седую пелену.
И нет ей дна.

Хрупкий, как иней, рай

Там, где дрожат на волне одной
нервы наши и вены,
где дирижирует тишиной
внутренней, сокровенной
осень, которой печален лик;
где за полётом – паденье:
после мига паренья
листья к корням легли...
...Там, ощутив по-новому мир,
нежим свою усталость:
только бы состоялась
сага нашей зимы.
Только б,
в четыре глаза
глянув за льдистый край,
не уронить ни разу
хрупкий, как иней, рай.

Ничего такого

Ничего такого, ну позвал на кофе
Бывший однокурсник, что сидит напротив.
Звания, награды, и болезни – пофиг!
Мы почти что те же (в сумерки и в профиль)!
Мы опять студенты, едем на картошку;
Вовка любит Ленку, Ленка любит Тошку.
Мы хохочем смачно, словно нам – за двадцать,
Мой внезапный мачо помнит, как смеяться,
Помнит, как не помнить злое слово "поздно".
И как в поле тёмном хлопотали звёзды,
Как нам эти звёзды гладили макушки,
Как ныряли в росы, обещая куш нам!
...В глубину не лезем, плаваем вдоль шельфа;
У гардин облезлых смастерили селфи.
Потчуют в кафешке импортной картошкой.
Ленка нянчит внуков. Летом умер Тошка.
Анька и Наташка - нынче андалузки.
Внук Наташки, Сашка, ни бум-бум по-русски.
А красавчик Вовка был судьёй, да спился,
Как-то он неловко, Вовка наш, женился...

...Два часа, а после - ничего такого.
Время жизни - осень. Вот и дождик снова...

(9 октября 2017 г.)

Запомните меня

Запомните меня, прошу, такой:
наивно пухлогубой, подвенечной;
и щёк ещё непочатую млечность,
и глаз нерасплескавшийся покой.
Запомните меня, прошу, травой,
а не тропинкой, заплутавшей в чаще;
запомните и вспоминайте чаще
тот голос мой, цикадами звенящий,
а не обиды дерзкой тетивой.
Запомните,
что я была – река! Её вода,
не ведая плотины,
не задыхалась от осклизлой тины
в зелёной рясе мёртвого пруда.
Запомните кленовою листвою –
венком на волосах, вульгарно рыжим...
"Запомните меня!" – прошу бесстыже,
и никну виноватой головой.
Запомните мой сентябрёвый цвет,
и эту, вам даримую, улыбку,
и этот миг – нечаянный и зыбкий,
который опрокинут на портрет.
...Запомните меня, прошу, такой.
Ведь я такой себя уже не помню!
Венец кленовый рдеет вероломно
на голове натурщицы другой.

Ловцу неуловимостей

Рассказывай себя, живи стихами – вслух!
Взорви мою глухонемую осень.
Пусть музыка, что ветер в небе носит,
Рассыплется на звуки музык – двух.
И пусть они осядут по листам –
И нотами взаимных «осенений»,

И нужностью внезапных откровений,
И нежностью, заворковавшей там,
Где правили цари страны глухих,
Их глушащие речь живую слуги;
Так – музыкой, положенной на стих,
Две осени озвучены друг в друге.
О, как нам не хватает «жизни вслух»!
Наш собеседник умолчаньем болен,
Сиротствами стареющих assolей
И музык разлетающихся – двух.
Певец неумолимостей людских,
Ловец неуловимостей подстрочных,
Как в замок для Высоких Одиночеств,
Ты двух беглянок водворяешь в стих.
Пусть пара музык не завяжет плоть,
Не выведут птенца две разных птицы -
Чтоб душами могли мы породниться
Поэзию задумывал Господь...

Финифть

В том аномально тёплом декабре
на пне смеялись рыжие опёнки;
был юмор Ваш изысканным и тонким,
а я Ваш взгляд ловила, присмирив...
Забрёл в тупик прерывистый рассказ
о Ра`йволе*, о снах, о Ваших жёнах...
Я видела Ваш мир насторожённый
за створками татарских длинных глаз,
где прятался застенчивый моллюск
под глянцевым покровом перламутра...
Всё медлило догадливое утро,
и ночь мы заучили наизусть.
Она сложилась в откровенный шрифт
травы, такой отчаянно зелёной,
что и зимой возрастает для влюблённых
в ногах надменно-равнодушных пихт.
А муж был до обиды не ревнив,
и называл Вас другом и коллегой.
...Стоял декабрь,
без вьюги и без снега -
зелёно-тёмно-каряя финифть.

Кисельны берега парного детства

Где мама пела

Горел в печи огонь, она гудела
В том доме под горой, где мама пела.
Тянул в окошки сад свои ладони,
Ветвями опершись о подоконник.
...Под жаром утюга - гордячкой спелой,
Простынка с чердака слегка хрустела,
Да выпускала дух в горячем паре:
Ласкался к ней утюг
в хмельном угаре.
Ты был ещё так мал, но неумело
тихонько подпевал, и мама пела.
О ржи, о васильках, о женской доле,
о ласковых глазах красотки Оли,
о смерти, о любви...
Но в том и дело,
что мне не повторить,
как мама пела.
От этого родства куда нам деться?
Кисельны берега парного детства,
где сад глядит в окно -
морозно-белый,
где жар над утюгом,
где мама
пела.

Не детские сказки из детства

Бабушкин дом в деревне; скрипучий ставень
Машет гостям приветно в проулке тихом,
Белый жасмин из детства – неувядаем;
Крестики на погосте с вьющейся повиликой.
Сделаем крюк привычный, когда приедем,
Мама поплачет, отец опрокинет стопку,
Проса насыплем птицам, конфеток детям,

Выполем клумбу, расчистим к могилкам тропку.
Каялись руки взрослых, и непривычны
Брату и мне их объятья в траве по пояс;
Злость и обиды канули в земляничный
Воздух, не подавая больше скрипучий голос.
...В башнях своих бетонных мы глухо тужим:
Сны наши, знаешь сам ведь, не здесь ночуют!
Город, в котором мы кем-то кому-то служим,
В плен наши жизни (обе!) забрал впустую.
Плавать в протухшей воде – отмирают жабры:
(Та, родниковая, в пластик давно разлита);
Из полумёртвой речки рыбу спасать пора бы –
И поселить в том самом, бабушкином корыте.
...Как же призывно машет скрипучий ставень
Родом из детства, как однокрылая птица.
Точно такой же птицей совесть моя и память
В окна чужие каждую ночь стучится.

Отдел пропаж

Я могла бы найтись, отозваться на имя – ори!
Только нет у тебя ощущенья утрат и потерь;
А молчанье твоё поселилось внутри, внутри
Клетки моей грудной, словно запертый силой зверь.

Я могла бы найтись. Ведь пропажей быть - вовсе не мёд!
Помнишь, клейкий прополис, который нас всех лечил?
Мама поит настойкой, и тает окрестный лёд,
Папа держит "погоду в доме" огнём печи.

Ты белёсой головкой до слёз мне и дорог, и мил!
На коленистроишь кудряшки, и тянешь: «На-та-а-а-ш...»
Я найдусь, мой братёнок... ребёнок...
Ты адрес возьми:
Вот он: "Детство. Сестрёнка Наташка. Отдел пропаж».

Печёной картошки запах

Трое любимых – мама, отец и брат;
поле картофеля, пруд в серебристых ивах.
Как ни проси – не вернут, не вернут назад
этот осенний день четверым (чет-ве-рым!)
счастливым.

Трое любимых – мама, отец и брат.
Жар от костра; печёной картошки запах.
Трое любимых меня не устанут звать
в наше вчера, которое будет завтра.
Этот сквозняк потерь – он выстудил изнутри;
по именам зову вас, трое любимых –
мёртвых.
...Возле костра – три имени.
Тени – три.
И печёный картофель горочкой
Для четвертой.

ПОКРОВ КОЛОКОЛЬНЫЙ

Мы — звук о лю ди.

В. Хлебников

Мы были снова меж собой враги.
И в каждом —
Бог томился одинокий.
Нам чёрные монашьи клобуки
Казались лицемерием жестоким.
...Ты поднимала взгляд на звонарей —
Поводырей
Колоколов упругих;
А звуки
Стаей диких сизарей
Взмывали в небо — ломкое —
Из рук их.
...И набережной
Плавная скоба,
В подкову сжавшись,
Снова разгибалась,
Когда с разлёта,
Медленно опав,
Молитва колокольная читалась.
И откликался Толгский монастырь,
Казанскому заносчиво перечая,
А между ними —
Волги глубь и ширь

И в облаках завещанная встреча.
...И длился с небом долгий разговор,
И мы с тобой
Под звуковым покровом
Богов своих
Отчаянный раздор
Забыли для рожденья тайны новой.
...Всеградский колокольный звон
Прощал и обвинял.
Брал на поруки.
...И сонмом алчных птиц со всех сторон
В моих стихах
Гнездились эти звуки.

Верхний остров

Анданте фавори

Я мечтаю, как будет у нас когда-то:
на веранду пройти, и задёрнуть шторы;
... neither slow nor fast ... Анданте...
... и чтоб брызгали соком упругие помидоры.

Рыжих зёрен такие смешные капли,
словно ноты, на чёлке твоей повисли;
я читаю мелодию - в такт ли, так ли?
и смолкают ненужные нам и слова, и мысли.

Граве, ларго, адажио, ленто, ленто-
не спеша, не смущаясь родства с природой,
мы с тобой приручаем свою планету,
как зверька никому неизвестной ещё породы;

и себя изучая - на вздрог ли, на вздох, наощупь,
сочиняем неспешно Анданте своё... "Amore";
наши тени сольются, и станет, конечно, общей
"Ап`пассионата", зачатая в фа-мажоре.

Примечания:

- Анданте фавор`и - "любимое анданте"(Анданте фа мажор) Бетховена. Сочинялась как медленная часть "Аппассионаты" (appassionato (um) -- соната страсти).

- Гр`аве, л`арго, адажио, л`енто - обозначение медленных музыкальных темпов.

Из другой главы

Тихий голос моей любви так и не был тобой услышан.
На ладони твои легли лепестки облетевших вишен.
Белой замятью те слова, что цвели, да на землю пали -
ненаписанная глава молчаливой моей печали:
залит солнцем вишнёвый сад – узловатых стволов узоры,
где бликующий долгий взгляд и застольные разговоры
под деревьями - о стихах, о растущих цветах и детях,
где моё счастливое «а-ах!» и твоё «больше-всех-на-свете»;
впереглядку - душистый чай, вперемешку - поток признаний
с поцелуями невзначай на смешливом хромом диване;
где сбывается тайный сон - задохнуться в тугих объятьях,
где прерывистый тихий стон объявляет «нон грата» платью.
...Мелких пуговок стройный ряд устоит под твоим напором,
но трофеем в сраженье скором упадёт мой дневной наряд.
...Где в упругом согласье тел приоткроется суть сиаинства,
где шмельёвому постоянству - лип дурманящий беспредел;
...где залиvistый смех воды в час полива над садом грянет -
где ещё не боюсь беды, что не в этой главе настанет.

Августовский романс

А лето мне к лицу: и солнечные блики,
и флоксов аромат, и то, как ты, шая,
садовник мой смешной и портретист великий,
задумал мой портрет с позиции шмеля.

И так пристрастен взгляд, и объектив так точен,
так скоротечен миг, в котором, оробев,
как яблоко в траве, смущаясь червоточин,
с позиции цветка - позирую тебе.

Запомню этот миг: и яблони, и флоксы,
и то, как надо мной, рассудок потеряв,
кружил твой объектив, и дачный Верхний остров
куда-то уплывал, теряя якоря.

Нектаром и пыльцой отбогатеет август,
но вкус медовых сот не мне определять;
я в сотовом твоём последний месяц значусь:
что взять с меня теперь с позиции шмеля?

Страх глубины

Позволь мне на прощанье целовать
И греть губами знобкие ладони,
Смотреть в твои глаза - они бездонны:
Я в них боюсь надолго заплывать.
В них нет материков и островов
Ни одного надёжного причала...
Пока обоих нас не укачала
Бескрайняя любовь без берегов;
Пока шторма обыденных обид
Наш парус на клочки не истрепали;
Пока врасплох нас беды не застали,
Пока предательство под килем не бурлит,
Прости и постарайся осознать:
Хроническое счастье - невозможно.
Я не хочу любовь опошлить ложью
И болью неизбежной изнурять.
Пусть в море опрокинется закат,
Смеркаются и гаснут наши лица,
И больше никогда не повторится
Случившееся с нами миг назад;
Ведь эта нежность - скрытая тоска,
Так убери с лица мои ладони!
Всмотришь в мои глаза - они бездонны:
В них берег не пытайся отыскать.

До грозы

Посели меня в памяти там,
Где гнездятся белесые чайки,
И где ластится море к ногам,
Как щенок, потерявший хозяйку,
Там, где крымские сосны горды
Вечно юной ликующей хвоей,
Где еще далеко впереди
Наше непониманье с тобою;
Где пока не отводим глаза
И не верим холодному ветру,
Где с распоротым брюхом гроза
Уползла за Ай-Петри.

Больше никогда в георгиновой роще

Больше никогда в георгиновой роще
Нам не препятать нехитрых кладов.
Больше никогда.
(Боже, как полощет мокрое бельё
ветер в палисадах!)

Больше никогда.
Как вы там, родные?
В доме сиротливо толкутся тени.
Скоро будут в нём ночевать чужие.
«Больше никогда...», - горько всхлипнут сени.

...От постели маминой – тёплый запах;
Узнаваем так, словно смерти нету.
Больше никогда на нехитрый завтрак
Мне с моим братишкой не кликать деда.

Больше никогда.
Но в кудлатых лапах
Прячет сад рубашки под ваши души:
Из фланели в клеточку – это папе.
Из вельвета синего – для Андрюши.

Ну, а если яблока наливного
Слышен топоток по ребристой крыше -
Это сад, как мама, из тьмы бывшего
Угостить любимых возможность ищет.

Тебе хранить мой смех

Тебе хранить мой смех:
(устрой мне эту малость!),
мой смех остался там,
где нынче нет меня.
Хранить до той поры,
пока в одну усталость
мы вместе упадём,
и нас – соединят.
И в комнате одной,
в каком-то ином мире
мы будем хохотать
беспечно и светло;

тебе хранить мой смех
в коробочке зефирной
и приходить ко мне
за синее стекло.
Здесь ауры цветут
геранью в цвет индиго,
непониманья нет,
нет зависти и зла;
здесь ты читаешь мне
главу из детской книги,
а я тебе стихов
охапку принесла.
Здесь подадут мой смех
к жасминовому чаю,
ещё - твой поцелуй
и... неоплатный счёт.
Я помню этот мир
и по нему скучаю.
Сейчас там сильный дождь,
стекающий со щёк.

Мне больно не настать (романс)

Я зажигаю свет в прохладнейших покоях
Твоих усталых глаз, как память наших встреч,
Но птичьих прав моих - пичуги за стрехою,
Тебе не защитить, а мне - не уберечь.

Я знаю, ты не мной заласкан и залюблен,
Ведь я перед тобой и губ не разлеплю:
Забьёт и заглушит её обманнный бубен
Мелодию мою: люблю, люблю, люблю...

Придумывать не смей про груз несовпадений,
Про разницу племён, времён или миров;
Нас не разъединить: немислим свет без тени,
Без тайны и тоски немислима любовь.

Нет, я не надоем!
Я просто... не настану.
Я тонкий, ломкий луч одной твоей зари.
Но ты не говори, что боли меньше станет:
Мне больно не настать.
Ты так не говори.

Я зажигаю свет в прохладнейших покаях
Твоих усталых глаз, как память наших встреч;
Но птичьих прав моих - пичуги за стрехою -
Тебе не защитить, а мне - не уберечь.

Снегири (романс)

-Давай друг друга забывать...
Я соглашусь без укоризны.
Не прѣдавать,
А прѣдавать
Иные смыслы смыслу жизни.
Давай добро приумножать,
По брѣвнышку таскать на срубы,
Глаза зажмурив, целовать
Чужих в подставленные губы.
Так проще:
Взять под козырёк
И чьей-то воле подчиниться.
И доблестно зубрить урок:
"Не сбиться, не проговориться"
Твердишь привычное: «Не плачь»,-
И смотришь на часы устало.
И, пунктуален, как палач,
Твой поезд подойдёт к вокзалу.
- Не плачь:
до смерти заживёт! -
И зажило.
Но не при жизни.
Я пью
За нынешний отлёт
В иные дали
Журавлей.
И листьев.
А вскоре,
Снежною зимой
От той, с которой "небом венчан",
Тебе вручат упрѣк немой
Два снегиря в пурпурных френчах...

ЛОЛИТЕ (романс)

Ты влетаешь в прихожую,
И твой юный январь
Заметает порошею
Густо-серую хмарь.

До чего ты пригожая,
Сердце стонет в груди...
Погоди, снежнокожая,
Погоди, погоди!

Щебечи, делай глупости,
Топай ножкой и пой,
Лишь бы пить этой юности
Драгоценный настой.

Прямо на пол, мятежная,
Пала шубка с плеча.
Страсть моя безнадежная
Горяча, горяча!

Задыхался от нежности -
Как мила да смела!
А метель неизбежности
Всё мела да мела.

Никого нет дороже мне,
Хоть кляни, хоть чуди;
Погоди, снежнокожая,
Погоди, погоди!

...Объедалась мороженым,
Проклинала мой рай.
Ах, творенье ты Божие!
Ах ты, Божия тварь...

После предательства

Волчьей крушины-ягоды долог вкус;
Несокрушим предательства стойкий дух;
Только не жжёт, как прежде, людской укус:
Всё отгорело, пепел остыл-потух...

Преданный о предавшем – молю:
– Спаси! Обереги, помилуй, даруй добра!
– Господи, Боже правый, иже еси,
На небеси твои можешь меня забрать?

Дай мне на платье ливней косых отрез,
Дай обрести дыханье тугих ветров.
Пусть он поплачет, осиротевший бес,
Над худосочной книгой моих грехов.

Мир, который вынут из войны

Мир, который вынут из войны,
Населяют мураши и птицы;
Там пекутся облака с корицей,
И на блюде – ломти тишины.
...В миг, который вынут из войны,
Опуститься в заросли кипрея
Под мучнистым облаком,
Шалея
От счастливой ждущей глубины,
Серо-синих, с крапинками, глаз,
Погрузиться в омут поцелуя.
...Был необитаемым до нас
Миг июля.
Тёплый миг июля.

Ландшафт с бабочками

Встретиться нам с тобой так и не довелось.
Бабочкой шар земной вколот в земную ось.
Трепет цветастых крыл сыплет в мой сон пыльцу...
Сбился с пути? Забыл путь к моему крыльцу?
...Рыж капуцинок зов, нежен их капюшон,

Прячущий лик и лет самозабвенный сон;
...Самозабвенных зим самозабвенный звон –
Где нам с тобой двоим свадьбу назначит он?
...Бабочка на цветке, помните львиный зев?
...Были накоротке... А под крылом – посев
Ликов, что маков цвет; лютиков на ветру,
Лилий (нежнее нет)... Мудрая речь гуру,
Льющаяся рекой (лекция поутру) –
Всё не про нас с тобой... Я этот сон сотру!
...Мы – в темноте аллея. Бунина синий том.
Эй, февраль-Водолей! Где нам – метельный дом?
Где бесподобный смех – наш – звенит в унисон?
...Шапочки модный мех возле его погон...
– Хочешь моей любви, так говори, не трусь!
...Бабочки-феврали. Крылышек тонкий хруст.
...Встретиться на Земле было нам недосуг.
Бабочка на игле – зодиакальный круг.
Не умирай, держись! Я соберу нектар!
Бабочка. Нежность. Жизнь.
...Крыльев твоих пожар.

Постновогоднее

Разошлись по воде круги
разговоров и кривотолков.
Если хочешь, мне помоги
снять с креста новогоднюю елку.

Ей так шел этот юный наряд -
Мишуры цветастые струи...
Совершён красивый обряд:
Я снимаю твои поцелуи,

убираю в коробку шары
милых тем под игру обаяний
и в кладовку сложу до поры
закопчённые свечи признаний.

Разошлись по воде круги,
что кидал во спасенье.
Не жалко.
Если можешь, мне помоги:
отнеси эту ёлку на свалку.

Рассеянное чудо

Юльке

...Купила синтетическую ёлку
И ищет место ей в квартире тесной
Индиферентна к взорам брата пресным ,
Вся в мишуре, танцует втихомолку.

И с жаром уверяет:

- Не хватает

Дождя и шариков:

Без них негармонично!

- Не надо папы. Дай мне выбрать лично!

Нет не таких, сюда уместно маленьких.

- По алгебре?

- Я просто невнимательна.

- В тебя! В кого ж ещё мне быть рассеянной!

- Не только у меня! У всех - немеряно!

- В той четверти исправлю обязательно.

- Мамуля, глянь!

(сияет светом праведным)-

А, правда, прелесть здесь

вот эти бантики?

- Да Бог с ней, с алгеброй:

Она не для романтиков !

- Мам, ну не плачь,

- Ма-а-ам, слёзы не по правилам!

...Затянута в круговорот

Её латыни "вредной",

Трёх контрольных,

Запутавшись в словах

Мне отведённой роли,

В смешном спектакле

С кличкой «новый год»

Под дудочку её пляшу неволью.

...А, знаешь, Юлька, чудо нас найдёт!

Ему, поди-ка, тоже бесприютно.

Под ёлкой синтетической уютно

Рассеянному чуду.

Чу!
...Идёт!

Мимо

Казнить нельзя и миловать нельзя-
Скорей всего, что даже и не нужно.
Меж небом и землёй скользя,
За воздух лист хватается недужно.
И в миг парения листа,
Лишённого корней и воли,
Один из ста, один из ста
Подставил тёплые ладони.
И молча приложил к щеке,
И гладил тёмные прожилки,
И долго нёс потом в руке,
И дома опустил в бутылку
Отсохший мёртвый черенок
Листа, красивого покуда,
Чтоб завтра замести в совок
горчичный прах бывшего чуда.
Казнить нельзя и миловать нельзя-
Скорей всего, что даже и не нужно.
Меж небом и землёй скользя,
Мои стихи парят над зябкой лужей,
Мои стихи неведомых стихий...
Над городом, глухим неумолимо -
Парят стихи, парят мои стихи,
Твоих ладоней
Мимо.
Мимо.
Мимо.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Велосипед

1

Мне потребовался транспорт,
Чтобы ездить в первый класс.
Я сказал ребятам:
- На спор,
что такого нет у вас?

Мой – не купишь в магазине,
Где крутые лимузины!

Папе я сказал тотчас:
- Чтобы ездить в первый класс,

Нужно денег раздобыть
И коня в семью купить;

Мы на зависть всем соседям
В школу на коне поедем!

Папа лоб наморщил строго:
- Ты же умный у меня;
По таким плохим дорогам
Ты замучаешь коня.

Ну-ка, сам подумай, сын:
У коня ведь нету шин!

Транспорта надёжней нет,
Чем складной велосипед.

На балконе будет жить
И конём тебе служить!

2

Новый мой велосипед -
Он - источник многих бед.

Раз сидел я взаперти
И не мог во двор пойти.

Под балкон пришёл Антошка
Попросил велосипед:
- Покататься дашь немножко?
Разве скажешь другу:
- Нет!?

- Но пока я взаперти,
Не могу к тебе сойти!

Скинул я тогда с балкона
Своего коня складного.

Полетел он лихо вниз,
Да на дереве повис.

Тут обиделась ворона,
Проживающая в кроне:

Руль гнездо её задел -
Ворох прутьев полетел.

Завопила:
Варр-варр! Карр!
Кар-раул! Бар-рдак! Пожарр!

От гнезда - один карр-кас!
Нету домика у нас!

Воронёнок не родится:
Негде будет поселиться!

Я тебе, ужо, задам:
В арр-биттражный суд подам!

Я вороне говорю:
- Я Вам комнату дарю!

Познакомьтесь: кошка Лушка.
Будет Вам теперь подружка;

Скоро выведет котят,
Вы родите воронят,

Вместе мы гулять поедем

На моём велосипеде!

3

На своём велосипеде
Я к подружке Наде еду,

Что живёт за гастрономом
(Мы три дня уже знакомы).

Две старушки - впереди.
Я звоню им:
"Динь-динь-динь!"

Я кричу им:
"Берегись!" -
Но старушки увлеклись

Очень важным разговором
Про рассаду помидоров.

"Тормоз - слева, скорость - справа?
Или всё наоборот?" -

Не успел решить - в канаву
Полетел, открывши рот.

Я на дне её лежу,
В небо синее гляжу...

Рядом - руль и колесо.
Винтик. Шпунтик. Вот и всё.

...Я рассеянных старушек
Очень строго не винил:
Видно, тихо я звонил.

А у них - глухие уши,
У рассеянных старушек...

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА.

Резинка. Язык. Реабилитирована*

Три маленьких новеллы

«...начинаю текст в точке боли,
когда она становится невыносимой».

Андрей Назаров

Резинка

Поссорились мы раз с Андрюшей, братиком моим: ну, никак он не желал у бабушки смородину собирать, как велено: сначала в стакан, а потом в корзинку. Я пять стаканов собрала, а Андрюша всего один и от того половину отъел! Стали вопрос по-доброму решать, как бабушка учила. Решили, кто первый до Алискиного дома добежит, до красненькой дощечки на воротах дотронется, тот смородину больше не рвёт. Спohватилась я, что бегаю плохо (в боку у меня колет), да поздно было. Первое слово дороже второго. Андрюша в бабушкином саду в трусах бегал, а на улицу бабушка запрещала в трусах выходить. И вот я говорю: «Раз ты мужчина, тебе корзинку нести в дом!» А сама мимо яблони-сливы-вишни бегу на крылечко, а там бабушка сидит и крыжовнику хоботки ножницами отрезает. Я подкралась, ножницы – хват, да Андрюшиным штанам резинку-то и подрезала! Только две ниточки-тянучки остались вместо десяти, из которых резинка сделана была. Андрюша штаны надел, ничего не заметил. «На старт, вниманье, марш!» – командует. Ну, я уже на тёти Галином доме отстала здорово. В боку у меня колет, во рту вязко. А Андрюша с весёлым гиканьем несётся к своей свободе. И тут как раз Алиска со своей красивой собачкой из ворот выходит. Андрюша приветственно подпрыгнул, и... штаны свалились к ногам собачки. Та и давай их трепать! Вышагнул братик из штанов и назад, к бабушкиному крылечку помчался с рёвом. В беленьких трусиках, перепачканных смородиной и малиной. Я так потом хохотала, что бабушка пригрозила, мол, печёнка лопнет. Она не лопнула, только болела всю жизнь. Андрюша даже драться на меня не налетел. Залез под стол, скатерть стянул пониже и долго тайно плакал. Алиска или собачка её, а может, даже обе, очень ему всю жизнь нравились. Он на них жениться хотел. Из-за меня, наверное, не женился...

Язык

...И откуда у меня такая скорость на сочинение разных проделок бралась? Сама я, как мама говорила, «копёха», бабушка и вовсе «ростопша» меня называла, а вот на шкоды искусные резва я была до полного собственного изумления. Однажды братик мой

младший, Андрюша, от моей шоколадки целых три кубика отъел. А я шоколадку любимую на ночь берегла, чтобы плавить по квадратику во рту и сны сладкие снить. Разозлилась я, а братик не признается, что это его рук, то есть зуб...зубов дело. Но я-то вижу: маленькие зубки на шоколадке отпечатались, человеческие. У бабушки – рот большой, а зубы-то уже в стакане спят, кошка Дуська шоколадом и вовсе пренебрегает, я её угощала – убедилась. И зубки у Дуськи другие следы бы на шоколадке оставили. Точечки, а не полоски. Утром отправила нас бабушка гулять. А ящик почтовый, алюминиевый, на калитку приколоченный, инеем покрылся. Вот я внезапно для самой себя и говорю братику:

– Смотри, какой сахарок сладенький. Давай его слижем: половину ты, половину я!

Мне тогда уже девять лет было, а Андрюше всего пять. Он обрадовался да язык к ящику и припечатал! Чтобы ему больше «сахарку» досталось. Я и вскрикнуть не успела. Смотрю, а язык у братика из розового синим становится, там, где к ящику-то прилип. Андрюша хотел закричать – никак, громко зарыдать, чтоб услышали – тоже никак! Стоит, мычит и слезами в сугробе дырки выжигает. Я сначала за него реветь принялась, а потом смотрю, там, где Андрюша язык пытается отодрать, половина языка на ящичке остаётся.

– Не отдирай, – кричу ему, – не отдирай. Без языка останешься! Стой, – говорю, – тут, а я чайник с кипятком принесу, полью на язык, он и отклеится!

От такой перспективы Андрюша взревел и дёрнул язык со всей мочи... На алюминиевом белом ящичке остался розовый контур, покрытый инеем... А потом он и вовсе чёрным стал. Ужас.

Мы как домой пришли, я Андрюше всю шоколадку отдала, а он её и есть-то не мог. Положил на тумбочку. Я видела, что она там лежит, но в этот день даже смотреть на неё не хотелось. Тошнить начинало.

Реабилитирована

Я еду в замороженной маршрутке. Мне сорок лет с большим хвостиком, Андрюше, братику, тоже сорок. С маленьким. Мы выросли. Теперь уже Андрюша юморнее и остроумнее меня. Может, меня профессия так рассерьёзила, не знаю. Андрюша болен раком. Мы с женой его, Мариной, по очереди дежури́м в раковом корпусе. Андрюша лежит в палате на шесть человек. У пяти человек – лёгкий рак, операбельный. А у Андрюши – нет. Но он всю палату смешит. Анекдоты рассказывает. Все смеются. А потом он вдруг «ухудшился». И в операции, к которой его готовили, отказали. Поздно. Мы с Мариной купили ему отдельную палату. Когда наступал просвет, Андрюша просился у меня домой. «Помнишь, Птах, как нам дома-то хорошо было?» – спрашивал он меня и начинал собираться. А дома-то нашего с ним уже и не было. И мама вслед за папой как раз умерла. Это и подломило Андрюшу. Но он смешил меня, рассказывая мне про мои же детские проделки, и всё звал и звал домой. К папе и маме. А меня мучила совесть: если бы я знала тогда, в детстве, что Андрюша умрёт, разве бы стала я так шутить над ним?

«Но я же не знала», – говорила я себе. Дети никогда не знают, что они умрут. И вот, после очередного воспоминания Андрюши о моих детских «шкодах», я взглянула в его глаза, синие, синие, как в детстве, глаза моего младшенького братика, умирающего теперь от рака, и в первый раз увидела, как он, не скрываясь больше от меня, плакал. Заплакала и я. Уже не прячась, не отворачиваясь.

Он как раз про свой отмороженный язык рассказывал. Смешно и, как всегда, немного по-новому, Андрюша, задыхаясь и хрипя, обличал меня в моей жестокой выходке в такой же морозный день, какой теперь стоял за окнами ракового корпуса, только в детстве. Там, в детстве, в такие дни до самых окошек дотягивались весёлые и вкусные сосульки. Яблони в саду трещали от мороза, а на голубом сугробе было столько интересных следов... Тогда всё было ещё впереди и никакого рака в нашей жизни не было. А теперь утреннее январское солнце лупит в окно палаты, в которой лежит Андрюша и вспоминает такое же, детское солнце, потому что нынешнего не видит. Он уже не ходит и лежит к окошку затылком. Я взглянула на этого Андрюшу оттуда, из нашего детства и поняла, что «нас», Птахи и Дрюни, больше нет. И что всё самое счастливое у нас с ним закончилось. И не только счастливое. У нас с ним закончилось всё.

Я взяла его за руку, огромную руку моего сорокалетнего младшего братика, упала в неё лицом, и, больше не скрывая своего горя, повторяла, захлёбываясь от плача: «Андрюш, прости. Прости, пожалуйста...»

А он молчал, руки не отнимал и вдруг стал задышаться. Я побежала за кислородом... Перед тем, как потерять сознание, он снял на минутку маску и прохрипел: «Реабилитирована...»

В детстве между нами не было ритуала прощения. А теперь, мы прощали друг друга даже за те, детские выходки. Почему? Не знаю. Ведь мы вместе смеялись над ними... Только после этого трудного слова «реабилитирована», которое Андрюша прохрипел по слогам, он уже не приходил в сознание и не веселил меня больше. Бредил, связно отвечая только на один вопрос: «Что у тебя болит, Андрюш?» «Всё, – говорил он. – Птаха, у меня болит всё...»

- *Опубликовано: ж-л [Новый Берег 2015, 50](#)*